

Из первых уст

ЯЗЫК МОЙ - ДРУГ МОЙ

Русский язык в России неожиданно оказался одной из самых больших проблем и настоящим индикатором состояния жизни страны. Дума бьется над законом о языке, ученые-лингвисты – над реформой правописания. Над ними посмеиваются ироничные интеллектуалы: неужели нас будут учить говорить? В Вологде, во время проведения российской олимпиады школьников по русскому языку, «вопросы языкознания» обсуждаем с заведующим кафедрой русского языка ВГПУ, профессором Гурием СУДАКОВЫМ.

Наталья СЕРОВА

I. В Вологде русское слово еще живо

- Гурий Васильевич, эта олимпиада – традиционное или актуальное событие?

- Может быть, символическое? Иван Грозный собирался перенести столицу России в Вологду; в порядке компенсации Министерство образования решило на несколько дней сделать ее столицей русского языка. VIII всероссийская олимпиада школьников по русскому языку – выражение почтения к Вологде как к столице русского духа и основе русского национального характера.

- Как она проходит?

- В два основных тура, потом будут конкурсы поэтов и знатоков русского языка. Они будут носить игровой, творческий характер.

- Олимпиада достаточно представительна?

- Судите сами: 186 учащихся 9-11 классов из 35 регионов, а всего регионов у нас 89. То ли средств не хватило их руководителям, то ли ума, потому что неучастие в ней – это их отношение к русскому языку не только как к государственному, но и как к источнику знаний.

- Сколько вологжан примет в ней участие?

- Наша область – одна из немногих, где возобновились олимпиады по русскому языку и литературе. Честь ее будут защищать победители областной олимпиады: Женья Павлушкова из школы № 17 Вологды, Катя Чистякова из великоустюгской гимназии и Катя Спицова из Явентской школы Вожегодского района. Показательно, что ребята из сельских школ демонстрируют глубокие знания по основам русского языка, ведь у нас сохраняется природная рус-

ская речь, меньше испорченная криминальным жаргоном и бездумной англоманией. У нас при поддержке департамента образования вышли четыре книги в серии «Живое русское слово». А департамент печати ежегодно проводит конкурс по использованию русского языка в СМИ. Только в семи регионах, Вологда в их числе, есть радиопередачи по русскому языку.

II. Кто мы, русскоязычные?

- Вернемся к языку. В детстве выучивались великие слова Тургенева: «Во дни сомнений, во дни тягостных раздумий, ты один мне поддержка и опора, о великий, могучий, правдивый и свободный русский язык...» Дайте четыре ваших определения языку, на котором говорит современный российский народ.

- Было бы большой роско-

шью назвать его стандартным, потому что стандарт предполагает равнение на образец. Этого, к сожалению, нет.

- Значит, нестандартный.

- ...явно выходящий за пределы литературной нормы образцовой речи, язык излишне грубый. Бывают речевые ситуации, когда грубость и резкость необходимы. Но если вслушаться в интонацию, мелодический рисунок современной речи, сразу заметна повышенная раздражимость, неуважение к собеседнику, нетерпимость. Язык криминализирован. И в данном случае я бы не стал упрекать СМИ в распространении криминального элемента в речи; скорее, это относится к нашим политикам, то ли не владеющим иной речью, то ли не уважающим своих собеседников.

Окончание на 8-й странице.

Фото Александра ГОРОПОВА

ЯЗЫК МОЙ - ДРУГ МОЙ

Окончание. Начало на 1-й странице.

- Нестандартный, грубый, криминализированный...

- Неистошимо богатый. Мои деревенские земляки, многие из которых дальше своего райцентра не выезжали, владеют удивительным речевым мастерством. Все природные красноречивы, точнее - златоусты.

- Известный писатель, пересмешник и телешоумен Виктор Ерофеев высказал интересное суждение: наша перестройка 80-90-х годов провалилась из-за плачевного состояния русского языка. Согласны?

- Нет, с этим нельзя согласиться; дело не в языке, ведь действиями людей больше руководит экономический, социальный интерес, чем такое невидимое, но прекрасное явление, как язык. Тургенев, кажется, больше прав. Народ может потерять многие свои культурные привычки, территорию, но до тех пор, пока он хранит язык, сохраняется, как самостоятельная культурно-этническая общность людей. Пример - цыгане. У них нет государственности, а всякий сразу опознает цыгана. Скажут они: «Эй, чавалы» и все ясно: это особый народ.

- А вам не кажется, что нет противоречия между позициями Тургенева и Ерофеева? Первый говорил о языке как «надежде и опоре», второй - о том, что в критический исторический момент язык этой опорой для нас не стал. Значит, дело в деструктивном сознании народа? Думаю, Ерофеев имел в виду другое и угадал что-то важное. Мы дивимся успехам Китая и ищем им объяснение. Успехи его в том, что все годы там культивируют свое великое искусство каллиграфии. То, что произошло с нами, предугадал Варлам Шаламов, писавший, что самое страшное случится в России, когда огромный уголовный мир перетечет из зон и заполнит собой, своими привычками, языком, написанными законами все гражданское жизненное пространство. Униженный нищетою перестройки русский народ не смог стать мотором позитивного процесса обновления. Язык не дал, потому что он раздвоился. Каж-

дый день хожу мимо элитной школы и не пугаюсь, услышав отборный мат. Научилась различать злобу и агрессию пьяной ругани от ученического языка, в котором от двух слов на «х» и «б» сформирован другой, параллельный, общепотребительный язык. Что это?

- Речевая мода среди молодежи быстро меняется. Плохо, когда нет моды на образцовый язык. Если бы кто-то объяснил молодежи, что престижно быть культурным, престижно хорошо и красиво говорить,

**Мои студенты сказали:
«Если б мир знал, насколько богат русский язык, он бы выбрал его языком культуры, оставив английский деловым языком». Осталось постараться, чтобы мир русский узнал...**

может, что-то и поменялось бы. А поскольку таких образцов нет, она в качестве нового жаргона, как Эллочка-людоедка, выбрала язык из двух слов и двадцати от них производных. В распространении нецензурной лексики многие виноваты. Раньше в печатной речи мы никогда ничего подобного не встречали, в теле- и радиоэфире ничего такого слышать не могли, а сейчас, когда запреты сняты и нет цензуры, все можно. До Петра I Россия была самодостаточной как любое феодальное государство, русские не учили иностранных языков. Пришло новое время, стали рубить окна в Европу. И даже Пушкин, выступая против галломании, в «Евгении Онегине» шутиливо заметил: «Но панталоны, фрак, жилет, всех этих слов на русском нет...». Пушкин назвал русский язык «общезимительным», т.е. восприимчивым к чужим заимствованиям. Язык большой, и нет опасности, что он изменится.

- Франция проводит преобладающую политику. Даже слово «компьютер» они не пустили в язык, нашли свой аналог ему. Более того, преподавателю, употреблявшему нецензурное слово, там быстро укажут на служебное несоответствие. У них разработана система механизмов, который в интересах всей страны защи-

щает главное его богатство - язык. Когда у нас попытались принять закон о языке, поднялся всеобщий вой и лай. Почему?

- Наш законодательный орган с 1991 года мается с этим законом. Первоначально он назывался законом о русском языке. Последний вариант дошел до Совета Федерации уже как закон «О государственном языке РФ». Почему-то постеснялись поставить в заголовок русский язык. Абсолютно ничего революционного закон не содержит, никаких ограничительных норм. Там была фраза, в законе недопустимая, что рекомендуется избегать излишнего употребления заимствованных слов и нецензурной лексики. Но речь-то шла о публичном официальном общении. Рекомендация без установления правовой нормы, предполагающей ответственность, в законе ни

к чему. И сожаления достойно, что закон так и не принят. Нынешний состав Государственной Думы в очередной раз показал свою неосведомленность и необразованность. Если нецензурная лексика развращает душу человека, она подлежит запрету. Инстинкт самосохранения нации требует: так быть должно! Совершенно замечательный идеал речевого общения дает Япония. Там нет закона о защите своего языка, потому что у них существует многовековая традиция общения, предполагающая обязательное уважение и внимание к собеседнику, осторожность в общении с ним. Однажды мои студенты сказали: «Если б мир знал, насколько богат русский язык, он бы выбрал его языком культуры, оставив английский деловым языком». Теперь осталось постараться, чтобы мир русский узнал...

III. Хотели, как лучше

- Думской языковой буре предшествовала еще одна: страна поднялась против любого реформирования норм современного языка. Надо оставить всё, как есть, или надо реформировать?

- Разные элементы языка подлежат реформированию в разной степени. Безусловно, в орфографии должна быть стро-

гая обязательная норма, в произношении могут быть варианты.

Наши правила и нормы приняты в 1956 году. Была своеобразная языковая «конституция», все ее соблюдали. Но на дворе-то 2003-й год. Словарь языка обновляется стремительно: у нас государственный строй сменился. Сколько появилось новых слов и выражений! В старых нормах есть такие правила, которые содержат исключения, касающиеся двух-трех слов. В проекте новой орфографии было всего 22 новых правила, из них половина касалась устранения исключений. Все предложения орфографической комиссии были направлены на упрощение правил и на формирование нормы для тех новых слов и словосочетаний, которые вошли в русский язык и никак не нормированы. Решение не было принято, и мы остались со сводом правил 1956 года.

- Но реформировать язык надо?

- Безусловно, надо.

- Как вы оцениваете состояние русского языка в СМИ, ведь вы на протяжении многих лет являетесь держателем своеобразной коллекции перлов журналистского творчества?

- Пресса транслирует то, что произносит общество, и не самое рядовое. Не только в речи, но и в деловых документах, даже в российских законах есть недочеты. Я писал экспертные заключения по поводу некоторых выражений федеральных законов и часто убеждался в двусмысленности, неясности и неясности отдельных предложений.

- Как же нам с нашим языком быть?

- Многие речевые ошибки происходят от элементарной человеческой лени. Надо читать классику. Будешь ее читать - будешь человеком творческим, самостоятельно мыслящим. Чтобы быть не только интеллектуально, но и эмоционально-психологически подготовленным к нынешней жизни, нужно хотя бы 150-200 страниц в неделю обязательно читать хорошей художественной литературы XIX и XX века.

С Гурием Судаковым беседовала
Наталья СЕРОВА.